

ГУСЕЙНОВ Р. И.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОНОМАСИОЛОГИИ И ГРАММАТИКИ

Поуровневый подход к описанию структуры языка стал одним из ведущих в современном языкознании. При этом, однако, нельзя не учитывать гибкости и определенной свободы в структурной организации как самой системы языка, так и его подсистем. Неслучайно в отличие от традиционной концепции, согласно которой система языка изображалась в виде языков, преемственно связанных по типу сложности их единиц, В. Н. Ярцева предлагает представить систему языка в виде замкнутой цепи, пограничные звенья которой сцеплены друг с другом [1]. На первый план выступает проблема конкретных форм взаимодействия, комплексно-единого функционирования всех систем и уровней языка. До недавнего времени разработка этого вопроса не выходила за рамки анализа отдельных случаев функциональных схождений частей речи. В немалой степени это объясняется тем, что долгое время лингвисты ориентировались на целевую модель анализа «от формы к содержанию».

Одной из важных задач изучения феноменов, находящихся на стыке отдельных языковых уровней, следует признать исследование природы и механизма взаимодействия лексики и грамматики¹. Особенно интересным в этой связи представляется использование фактов лексики при объяснении явлений грамматики. В то же время изучение влияния грамматики на изменение семантики и ономасиологического статуса слова открывает новые перспективы, ранее ускользавшие от внимания исследователей языка².

Ниже предпринята попытка обратить внимание на функционально-грамматическую специализацию в содержательной структуре слова, выявить ономасиологические закономерности, регулирующие грамматическое «поведение» лексических элементов. Одновременно мы остановимся на отдельных изменениях и сдвигах в ономасиологической модели слова, порождаемых его употреблением в необычной для него грамматической форме. В связи с этим мы коснемся также и вопроса таксономической схемы, релевантной для объяснения своеобразия грамматических подклассов.

Под ономасиологической моделью имени понимается единство «предметности» и ономасиологических признаков, выделяющих то или иное явление как предметное и задающих ему качественную определенность и своеобразие. Она представляет собой минимальный запас предметно-содержательных знаний, составляющих универсальную речемыслительную основу, общую для всех говорящих независимо от их возраста. Оно-

¹ Заметное оживление интереса к широкому кругу проблем взаимодействия языковых подсистем отмечается лишь в шестидесятых — семидесятых годах [2—5], хотя Л. В. Щерба не раз указывал на необходимость их изучения.

² Решительно эта мысль прозвучала в выступлениях В. И. Колухова и А. В. Бондарко на Всесоюзной конференции на тему «Слово в грамматике и словаре» [6].

масиологическими в модели имени следует считать такие «ингерентные» признаки, в которых явления даны в нашем опыте. Их содержанием служат конкретные характеристики в их пространственно-плоскостной локализации, как-то: длина, высота, ширина, округлость или конфигурация и т. д. При этом основанием для описания ономастологической модели имени как совокупности определенных наиболее информативных свойств предметов могут служить и результаты анализа психологического восприятия [7].

Исходным моментом при изучении ономастологических оснований грамматического «поведения» имени, а также функциональной специализации его содержания служит онтогенетическая двуплановость последнего³. Давно стала очевидной информативная неполнота тезиса о детерминированности функций и форм слова его семантикой. Внимание на необходимость конкретизации данного тезиса впервые, насколько известно, было обращено О. И. Москальской [10]. Однако указывая на то, что не значение слова в целом, а только его часть может служить семантической опорой для определенной формы проявления грамматических явлений, автор не идет дальше, не уточняет это положение до конца [7, с. 259]. И все же мысль о том, что обычно действие определенных правил грамматики связано лишь с одной из сторон семантики слова, весьма важна сама по себе.

Исключительно сложна и многогранна содержательная структура слова. Лексическая семантика зависит от ряда факторов, а именно: экстралингвистического (предмет действительности), психологического (психологическая адаптация предмета), лингвистического (фактор обличения психологически адаптированного предмета реальности в словесную форму).

Психологическая адаптация предмета, его приспособление к нуждам коммуникации предполагает выработку его ономастологической модели. Такая модель и составляет концептуальное ядро, основу слова. Однако процесс не останавливается на этом. Далее на ономастологическую модель предмета известным образом наслаиваются признаки, «навязываемые» ему социальной деятельностью и прагматической потребностью человека. Все, что наслаивается на модель слова социальной практикой носителя языка, мы будем называть прагматическим началом в содержании слова в отличие от вещественно-предметного, ономастологического⁴.

Первые же шаги в тестировании отдельных компонентов содержания имени на их «причастность» к грамматической правильности высказывания на разных уровнях анализа убеждают нас, что на аналитическом уровне правильность достигается согласованностью в подборе ономастологических данных и грамматических форм, а на синтетическом уровне — соблюдением лексической «солидарности» вводимых в высказывание актантов. В этой связи нередко проводится компонентный анализ (в качестве примера часто избирается слово *холостяк*). Для русского *холостяк* можно составить следующую шкалу семантических градаций: 1) предмет; 2) человек; 3) мужского пола; 4) мужчина брачного возраста; 5) неженатый мужчина. Функциональная специализация каждой из градаций, соответственность последних с определенными формами проявления речевого поведения данного слова обнаруживается путем редукционно-подстановоч-

³ Развиваемый здесь тезис о двуплановости содержания слова продолжает взгляды Л. Ельслова: «Семантическая субстанция подразделяется на несколько уровней. Крайние и в то же время наиболее важные и известные уровни — это физический уровень, с одной стороны, и уровень восприятия или коллективной оценки — с другой» ([8], ср. [9]).

⁴ Ср., например, анализ содержания слова с точки зрения коммуникативно релевантного и нерелевантного ([11], грамматического и лексического ([12], ср. [13]).

ного приема. Так, *холостяк* соотносится с глаголами *жениться*, *разводиться*. Тест предполагает ряд этапов подстановки компонентов содержания слова сверху вниз по шкале. При этом каждый раз учитывается правильность высказывания с точки зрения трех уровней языковой отмеченности, что позволяет установить, какой компонент шкалы оптимально обеспечивает правильность высказывания на том или ином уровне языковой отмеченности.

1 э т а п. В схеме $S_n - P_v$ в позицию S_n помещают произвольно взятую последовательность звуков, заранее придав ей признаки самой верхней градации шкалы, а позицию P_v также заполняют таким же набором звуков, наделив его общекатегориальным значением «глагольность» и осложнив формантами времени, лица и числа. Затем следует семантизация схемы высказывания в данной реализации. Носитель языка легко справляется с этой задачей, ибо формант времени и другие морфологические показатели, выражая присущие им значения, указывают и на другие, связанные с этими показателями значения [14].

2 э т а п. Позицию заполняют следующей вниз по шкале единицей содержания (*Человек живет, работает, умирает, но не женится, не разводится*).

3 э т а п. Прodelьвается та же процедура и со следующей единицей содержания (*мужчина женится, но не мужчина разводится*) до тех пор, пока не исчерпывается шкала содержания (*холостяк женится, но не холостяк разводится*). Обнаруживаем, что минимальным условием семантизации абстрактной модели высказывания является указание на ономаσιологическую базу ее наполнителей. Конкретизация концепта имени не влечет за собой каких-либо ограничений грамматической правильности, т. е. на всех этапах анализа имя сохраняет способность сочетаться с глаголом. Прагматическая правильность высказывания достигается выбором глагола, лексически совместимого с именем, что в нашем случае начинает ощущаться с самого первого шага по пути конкретизации предмета — со второй ступени сверху. Очевидно, что ономаσιологическое начало в данном случае связано только с грамматикой слова, а социально оцененное, условное начало регулирует лексический момент функционирования слова в речи. Таким образом, онтогенетическая неоднородность содержания обуславливает разное функциональное назначение двух его составляющих. В этом единство и неразделенность вещественно-предметного компонента содержания слова и его внешнеграмматического оформления. Однако нет и абсолютно однозначного соответствия между ними. Грамматическая форма только с определенной долей безошибочности предсказывает ономаσιологическую классность имени. Точно так же знание его классной принадлежности далеко не всегда может абсолютно точно диагностировать парадигму. Например, многие из названий «не-лица» в английском языке не употребляются в форме possessiva. В то же время часть из них встречается в этой форме (*ship, land, moon* и т. д.). Поэтому одно только знание того, что данное имя называет «не-лицо», оказывается недостаточным, чтобы утверждать, что оно не может принимать форму possessiva. В этом мы склонны видеть, с одной стороны, известную свободу ономаσιологических признаков в выборе внешнекатегориальных оформителей при определенных условиях общения, а с другой стороны, строгость, жесткую избирательность последних в отношении первых. Вот почему употребление имени в необычной для него форме влечет за собой сдвиги в содержании, перекодирование его ономаσιологической модели. Таким образом, взаимобусловленность ономаσιологического статуса существительного и

его грамматики обнаруживается не только в их обоюдной предсказуемости, но и в их взаимовлиянии.

Рассмотрим эти положения на примере употребления ряда древнеанглийских существительных отвлеченной семантики в форме мн. числа. Известно, что для подавляющего большинства древнеанглийских имен упомянутого ономаσιологического класса не была характерна форма мн. числа. Однако в отдельных случаях ономаσιологические запреты преодолеваются и существительные принимают форму множественного числа, меняя при этом свою «личину». Даже беглый взгляд на их семантику в форме мн. числа обнаруживает, что в целом ряде случаев наблюдается не только сдвиг в их семантике, но и их переход в другие ономаσιологические классы. Ср.:

	Ед. число		Мн. число
<i>andget</i>	«понимание»	— <i>andgetu</i>	«чувства»
<i>ār</i>	«слава, честь»	— <i>ārra</i>	(род. п.) «богатство, собственность»
<i>land</i>	«земля»	— <i>landa</i>	(род. п.) «страны»
<i>hail</i>	«заключение под стражу»	— <i>hailtas</i>	«пленники»
<i>hālig s</i>	«святость»	— <i>hālignessa</i>	(род. п.) «святыня, убежище»
<i>wæstm</i>	«развитие, рост»	— <i>wæstmas</i>	«деревья, все, что может расти»

Таким образом, употребляясь в необычной для себя форме мн. числа, существительные претерпевают изменения в своих ономаσιологических характеристиках, тем самым совпадая или приближаясь к классу конкретно-предметных в этом отношении.

Аналогичные закономерности обнаруживают и вещественно-материальные, и собирательные имена. Первые в форме мн. числа нередко выражают значения безмерного количества. Ср.: ...*Snāwas and frostas*... «Снега и морозы...»; *hlāf* «хлеб» — *hlāfas* «каравай» и т. д.

Если исходить из традиционного деления существительных на конкретно-предметные, вещественно-материальные и абстрактные, то может возникнуть впечатление о нарушении принципа единства ономаσιологического и внешнеграмматического в слове. Указанная классификация, однако, не может иметь выхода в грамматику в силу своей чрезмерной обобщенности и логической непоследовательности. Однако поиски грамматически значимых (объяснительных, мотивирующих с точки зрения грамматики) классификаций должны оставаться на ономаσιологической почве. Следует освободить старую классификацию от ее логического налета и идти по пути дальнейшей ее детализации. Любой подкласс существительных как лексико-грамматический разряд, стоящий ступенью выше части речи на иерархической лестнице лексико-грамматической категоризации, должен получить (как и сама часть речи) ономаσιологическое обоснование. Этого требует логика анализа и описания близких по природе сущностей. Характер восприятия объектов наименования, принцип отображения внеязыковой действительности в языке являются ведущими и определяющими при изучении частей речи [15]. Их следует считать основополагающими при любой грамматической классификации [16]. Такой подход правомерен и в силу отмечаемой исследователями ведущей, познавательной роли референционального фактора в генезисе значения слова. При этом системно-реляционный фактор играет подчиненную роль.

Для древнеанглийского можно выделить два основных ономаσιологических класса с определенным набором подклассов⁵ внутри каждого из

⁵ В нашей концепции описания полевой структуры английских существительных подклассы мыслятся как лексико-грамматические категории, как особые формы структурно-организованного проявления связи ономаσιологического начала в содержании слов с их грамматическим поведением.

них: 1) класс физических предметов: подкласс (пк) индивидуально единичных, пк собирательных, пк вещественно-материальных; 2) класс виртуальных предметов: пк названий процессов, фактов и событий; пк собирательных названий действий, объединенных общностью природы или назначения; пк имен состояний и качеств, чувств, ощущений и переживаний; пк названий действий, поступков, событий, осложненных некоторой социальной оценкой; пк собирательных названий социальных условностей, предписаний, этических норм; пк имен фрагментов времени; пк названий стихийных сил; пк имен разных социальных условностей, положений в обществе и др. Дифференциация приводимых ономаσιологических классов имен основана на своеобразии и различной степени координированности, определенности в пространстве обозначаемых ими объектов. Соответственно, конкретно-предметные имена воспринимаются как предельно определенные объекты, способные выступать как единичные предметы. Это и служит их основной семантической (ономаσιологической) базой в отличие от других классов. Вещественно-материальные имена имеют своими референтами физические явления, не воспринимаемые как предельно определенные, очерченные объекты внешнего мира, хотя они и обозримы (вода, масло, железо и др.). Исключения составляют имена типа *воздух*, которые не обозримы, но физическая природа которых неоспорима.

Собирательные имена обычно определяются как имена со значением множественности в их исходных формах. Они занимают промежуточное положение между индивидуально-единичными и вещественно-материальными [14]. Эти имена мыслятся как совокупности отдельных составляющих и, как правило, обозримы в целом и в отдельных своих частях (ср.: *семья за столом, дружина перед боем*). Но в некоторых случаях целое может и не быть обозримым (народ, нация). Неслучайно некоторые из них встречаются с такими кванторами числа, как *menig* «много», и согласуются с глаголами-сказуемыми в форме мн. числа.

Ономаσιологический класс виртуальных имен представлен лексикой, не имеющей денотата, который бы существовал в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Это в основном так называемые предикатные имена, семантика которых «в каждом смысловом поле взаимообусловлена» [17]. В семантике древнеанглийских имен данного разряда не расчленены также и признаки действия и состояния [18]. Все это затрудняет их субкатегоризацию. Особенно остро встает этот вопрос в отношении событийных имен. Часто выбор между событийным и фактивным предикатным именем оказывается невозможным.

Согласно данным, полученным в результате изучения семантики производного слова на материале разных языков [19], исключительно сложной, разносторонней предстает семантика событийных имен. Об этом свидетельствуют их многочисленные дефиниции, которые отражая отдельные аспекты их семантики, раскрывают ее с разной степенью полноты. В большинстве случаев, однако, семантика таких имен определяется как совокупность действий или внутреннее движение [20]; способность действий, процессов происходить, продолжаться [21]; охват массы субъектов [22]; модально-временная, фазовая парадигма [4, с. 84—90] и т. д. Отсюда и явная диффузность, размытость пределов подклассов виртуальных имен. При отборе и распределении виртуальных существительных по ономаσιологическим подклассам нами были применены определенные критерии. Наиболее важным является исследование семантики слова. Причем

решающим оказывалось то значение слова, которое реализовалось во всем разнообразии его парадигматических форм. Значения же, актуализирующиеся только в падежном ряду мн. числа, рассматривались как явления грамматического порядка и в данной связи учету не подлежали. Особое внимание уделялось и факту наличия деривационных связей и мотивации. Например, в одном из подклассов объединены преимущественно отглагольные имена — названия действий, событий и фактов (многие из них — суффиксальные образования на *-ung, -ing*), а в ПК имен состояний, качеств находим адъективные имена с суф. *-nes*. В то же время простые событийные имена, не находящиеся в каких-либо деривационных отношениях с глаголами, отнесены к другому подклассу. Они могли мыслиться как стихийные силы (*aldor* «жизнь», *sodi* «болезнь» и др.). При этом важную роль здесь играла способность этих имен выступать в функции подлежащего при глаголах активного действия. Таким образом, решающими критериями субкатегоризации виртуальных имен выступали такие категории, как парадигматическая необусловленность семантики, деривационная мотивированность, наличие семы социальной оценки в содержании и т. д. Однако при всем этом приводимые выше ономастические классы древнеанглийских существительных не представляли собой строго изолированных друг от друга групп слов. Напротив, они выглядят как скалярные объекты, переходящие друг в друга или связанные между собой общностью определенных предметно-референтных характеристик. Так, каждый из трех ономастических классов (собирательных, вещественно-материальных и виртуальных) в известных речевых контекстах реализует те или иные категориальные значения, выражаемые конкретно-предметными. Например, ряд виртуальных имен ведет себя преимущественно как индивидуально-единичные. Таковы названия фрагментов времени, фактов или собственно событий. Другие приближаются к собирательным (например, собирательные названия действий: *ðæowdot* «служба», *fæhð(u)* «распри» и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
2. Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Виноградов В. В. Мысли о современном русском языке. М., 1969.
3. Ярцева В. Н. Роль лексики при синтаксическом анализе // Историко-филологические исследования. К 75-летию Н. И. Коврада. М., 1967.
4. Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1971.
5. Иванова Н. П. О полевой структуре частей речи в английском языке // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
6. Всесоюзная конференция «Слово в грамматике и словаре» (Хроникальная заметка) // ВЯ. 1982. № 1.
7. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971.
8. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
9. Горюнкoв Б. В. О характере языковой структуры // ВЯ. 1959. № 1.
10. Москальская О. И. Структурно-семантические разряды слов в составе частей речи // Вопросы германского языкознания. М., 1961.
11. Fillmore Ch. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1968.
12. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // ВЯ. 1955. № 2.
13. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 346.

14. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979. С. 64.
15. Кубрякова Е. С. Части речи в ономастологическом освещении. М., 1978. С. 50.
16. Борто Л. В. Проявление связи между частями речи в современном русском языке. Кишинев, 1979.
17. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 174.
18. Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., 1979. С. 35.
19. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
20. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 134, 142.
21. Труханович Н. В. Синтаксическое функционирование подклассов имени существительного (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 13.
22. Муравьева Г. Д. Проблема значения конкретных событийных имен в итальянском языке // Вестник МГУ. Сер. филол. наук. 1980. № 9. С. 63.